

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СЛОВО
В ГРАММАТИКЕ
И СЛОВАРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

СЛОВО В ГРАММАТИКЕ И СЛОВАРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1984

Настоящая книга посвящена исследованию теоретических проблем грамматики, лексикологии и лексикографии. В ней рассматриваются соотношение грамматики и лексики в словаре, словообразовательные аспекты изучения словарей, принципы системно-структурной организации словаря и грамматики, грамматики и фразеологии, языковые явления, переходные между грамматикой и словарем, обсуждаются также вопросы разработки методов представления грамматической и семантической информации и проблем синтаксической сочетаемости слов, лексической полисемии в словарях различного назначения.

Редакционная коллегия

члены-корреспонденты АН СССР В. Н. ЯРЦЕВА
(ответственный редактор),
Ю. Н. КАРАУЛОВ,
доктора филологических наук
А. М. БАБКИН, В. П. НЕРОЗНАК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Слово как центральная единица языковой системы всегда привлекала и продолжает привлекать внимание лингвистов. Трудно, а может быть, и невозможно исчерпать эту тему. Будучи глобальной универсалией в смысле наличия в каждом языке, слово отражает вместе с тем все особенности строя того или иного языка. Именно поэтому возникает проблема соотносительности грамматических примет слова как части речи в пределах данной языковой структуры в соответствии с разграничением областей морфологии и синтаксиса. Представляя собой элемент лексической системы языка, слово не только обладает определенной грамматической формой, но также включено в грамматические ряды, противопоставленные по выражаемым ими грамматическим категориям. Поэтому одна из центральных проблем изучения природы слова как единицы системы в языке может быть сформулирована как определение общих закономерностей соотношения лексического и грамматического начал в слове в их взаимосвязанности и взаимозависимости. Грамматические правила при этом выступают как обобщающие категории и вместе с тем ограниченные в своем применении лексической природой слова и его значением.

Следует заметить, что в истории языкознания лингвисты акцентировали то одну, то другую сторону вышеуказанных процессов. Увлечение грамматикой формализованного типа, наблюдавшееся в предшествующие десятилетия, привело к пониманию грамматической модели как универсального эталона языка и к определению грамматических правил как действующих в пределах жесткой сетки, в ячейки которой должны одинаковым образом включаться все лексические единицы данного языка. Однако при более углубленном изучении действия законов грамматики, и, как нам кажется, особенно в связи с выдвиганием на первый план теории словосочетания как одной из важных составных частей учения о синтаксическом уровне системы языка, была выяснена необходимость учета лексической природы слова и его семантических потенций. Только при подобном подходе оказывалось возможным объяснять те ограничения, которые возникали в случаях замещения в одной и той же синтаксической модели однородных позиций лексическими элементами, разнородными по своему семантическому содержанию.

Теория валентности, получившая широкое применение в первую очередь при изучении словосочетаний различного типа, заставила лингвистов пересмотреть некоторые вопросы морфологии и особенно вопросы, связанные с грамматическими категориями, характеризующими различные части речи. Среди лингвистов укрепилось мнение, что при всей важности парадигматического выражения грамматических категорий в пределах морфологии следует расширить понятие парадигмы и распространить его и на область

синтаксиса. Из этого положения следовало, что контекстуальные связи важны для характеристики слова не только в плане лексико-семантическом, но и в плане грамматико-семантическом. Морфология как один из разделов грамматического учения имеет дело с описанием частей речи и с характеризующими их грамматическими категориями. Важно выяснить, как связаны эти грамматические категории с тем обобщенным значением (предметности, действия, качества и т. д.), которое присуще тому или иному классу слов.

Исследование функционально-семантических потенциалов различных грамматических группировок системы языка важно потому, что помогает объяснить, почему, например, существуют ограничения в употреблении категории множественного числа в отношении существительных, лексическое значение которых препятствует оппозиции «единичность»—«множественность», и почему, наоборот, возможно расширение употребления некоторых категорий слов в синтаксических моделях, порождающих новые значения (например, употребление некоторых групп переходных глаголов в качестве каузативов). В процессе научного описания исследуемого материала языка лингвист вправе выбирать, идти ли ему от «формы к значению» или «от значения к форме». Однако при речевой коммуникации эти две стороны языка слиты, хотя понимание содержания самого высказывания идет, разумеется, через опознавание языковых форм. Постоянное внимание исследователя-лингвиста к семантической стороне грамматических процедур и к связи лексического и грамматического в самом слове помогает правильно представить сложную, но упорядоченную систему языка, оценить функциональную значимость тех или иных языковых форм и показать все многообразие взаимоотношений отдельных понятийных категорий на различных участках структуры языка.

Диалектическое единство лексического и грамматического, реализуемое в слове, выявляется при процессе коммуникации, когда контекстуальные условия употребления слова позволяют разрешить противоречивые тенденции центростремительной направленности, фокусирующей все черты слова как единицы языка и одновременно многообразные аспекты его речевого использования. Важно это потому, что хотя схема грамматического структурирования языка может быть выделена как некое единство, типы использования отдельных грамматических конструкций и их количественное соотношение в различных формах речи определяются коммуникативным заданием языка как важнейшим средством общения людей в обществе. Практически каждый язык существует как некоторая совокупность различных вариантов.

Общие положения марксистско-ленинского языкознания определяют теоретико-методологические основы проблемы «единства языка в его многообразии». В связи с понятием вариативности языка возникает вопрос определения условий использования того или иного варианта и выделения нормативного и ненормативного

употребления слова и отдельных его форм. Это важно также для различных видов лексикографической практики и, в частности, для выработки системы в словаре грамматических и стилистических помет. Многие лингвисты обращали внимание на то, что, несмотря на наличие единой кодифицированной литературной нормы, функциональная дифференциация и специализация, сами потребности и задачи литературного языка, постоянно расширяющиеся из-за его употребления, приводят к преобразованию литературного узуса. Обычно изменение нормативов в литературной речи и оценка их с точки зрения «правильного» и «неправильного» коррелятивна с проблемами социальной стратификации языка. Использование в зависимости от задач данного высказывания набора средств, характеризующих речевой стиль, наиболее отвечающий сложившейся ситуации, приводит к закреплению речевых штампов. Это в такой же мере относится к значениям слов, как и к значению отдельных форм слова.

Слово, выступая в языке во всей совокупности своих отдельных форм, является вместе с тем лишь относительно изолированной единицей языка, так как, с одной стороны, модель морфемного строения каждого единичного слова типична для определенного ряда других слов, а, с другой стороны, морфемы, входящие в состав каждого данного слова, входят в той или иной комбинации в состав других слов. Если принято положение, что слово, являясь единицей языка, манифестируется в словоформах, то из этого логически следует, что в потоке речи как значимый отрезок вычленяется только та или иная словоформа. При подобном понимании положения вещей существует опасность превращения слова из лексико-грамматической реальности языка в некую абстрактную модель построения, существующую в отвлечении от своих модификаций. Однако единство исходного лексического значения, лежащего в основе всех форм данного слова, выступает как некоторое цементирующее начало и в этом также проявляется связь грамматических и лексических сторон слова как основной единицы языка.

Анализ типических моделей слова, свойственных данному языку, и описание морфем как значимых частей слова, служащих строительным материалом для процессов словообразования, должен сочетаться с определением семантических связей слова исходного и слов производных, а также с характеристикой типологической принадлежности исследуемого языка.

В описательных грамматиках разных языков, в том числе и во многих грамматиках нормативных, словообразовательные типы указываются в связи с классификацией по частям речи с их большей или меньшей детализацией, в зависимости от существующих в данном языке лексикограмматических разрядов. Подобная форма подачи материала удобна тем, что дает возможность продемонстрировать связь словообразовательных и словоизменительных процедур. Нет сомнений, что общие типологические черты, характерные для данного языка, отражаются как в одной, так и в другой области модификаций слова. Достаточно вспомнить в этой связи,

что именно в языках, характеризуемых морфологически сжатой парадигматикой, больше всего представлены приемы конверсии в области словообразования, а в языках с разветвленной парадигмой (например, языках флективных и агглютинативных) наблюдается обилие словообразовательных аффиксов. Однако не менее плодотворным является анализ целых «словообразовательных цепочек», т. е. целостного ряда однокорневых слов, которые связаны друг с другом отношениями последовательной мотивированности, так как именно подобный подход помогает понять семантические отношения слова мотивирующего и слова мотивированного. При этом если началом подобной «словообразовательной цепочки» служит немотивированное слово, то в качестве последнего ее звена выступает слово, характеризующее наивысшей ступенью мотивированности. Естественно, что словообразовательный формант как носитель словообразовательного значения должен обладать свойством повторяемости (в этом он подобен аффиксу морфологической словоизменительной парадигмы), но степень регулярности для различных словообразовательных типов может оказаться очень неодинаковой.

Все вышеуказанные проблемы грамматического и лексического аспектов, выявляемых в слове, непосредственно отражаются на лексикографической практике описания лексического состава того или иного языка. Разумеется, в зависимости от типа словаря (одноязычный, двуязычный, нормативный, исторический, этимологический и т. д.) различные вопросы структуры значения, функционального варьирования и других сторон слова как единицы языка приобретают больший или меньший вес для составителя словаря, но учитывать в той или иной степени приходится их всегда. Поэтому в предлагаемом труде (материалы к которому были предметом обсуждения на проходившей в мае 1981 г. в г. Звенигороде конференции по проблемам роли слова в грамматике и в словаре) главы, посвященные теории и практике лексикографической работы, явились естественным продолжением типологических и семасиологических изысканий сущности слова и природы составляющих слово — морфем как элементов его структуры.

В. Н. Ярцева

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО И ЛЕКСИЧЕСКОГО В СЛОВЕ

Н. Ю. ШВЕДОВА

ОБ АКТИВНЫХ ПОТЕНЦИЯХ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СЛОВЕ

1. Знаменательное слово обладает разнообразными сочлененными в нем свойствами и потенциями, принадлежащими ему как единице, с одной стороны, называющей, а с другой стороны, — непосредственно участвующей в построении сообщения. Эта насыщенность слова активными и разнонаправленными свойствами, сконцентрированными в нем самом (и определяющими его собственный статус как единицы лексической) и в то же самое время обращенными вовне (и определяющими его отношение к разным участкам языкового строя), подкрепляет тезис, согласно которому слово является центральной единицей языковой системы.

Слово — самая сложная единица языка. Суммируя кратко то очень многое, что уже сказано в разное время разными исследователями по поводу этой сложности, можно назвать следующие факторы. 1) В слове соединены черты единицы современной, сущей, и единицы, своими корнями уходящей в историю, причем бывшее, ушедшее оставляет в слове свой живой и неизгладимый след. 2) Слово относится одновременно к реальному миру вещей, понятий, отношений, к мышлению и к другим единицам языка; таким образом, в нем репрезентированы одновременно реальная действительность, мысль и язык. 3) В слове сочленены означающее и означаемое, при этом одному означающему, как правило, соответствуют несколько означаемых. 4) В слове как единице языка слиты три структуры: звуковая, морфологическая и структура значения; каждая из них имеет внутри слова свое собственное членение, свои единицы, а две последние — асимметрическую организацию; таким образом, слово обращено одновременно к разным уровням языка. 5) Слово одновременно есть единица двух систем — лексической и грамматической, и в то же время оно непосредственный участник коммуникативной деятельности. 6) В акте коммуникации слово в одно и то же время и «знаменует» (означивает и обозначает), и «служит», т. е. выполняет разнообразные грамматические и связующие функции. 7) Слово всегда входит в межсловные отношения: оно всегда — член лексического множества: класса, подкласса, группы, ряда; следовательно, на нем

всегда лежит печать отношения к данному множеству и через него — к другим лексическим множествам [1—4].

Этот перечень, суммирующий многократно описанные признаки слова как весьма сложной единицы языка, должен быть дополнен еще одним — и очень важным — пунктом: слово и в системе языка, и в акте сообщения находится в состоянии постоянной активной работы; оно является разнонаправленно работающей единицей. Работа слова осуществляется как реализация двух заключенных в нем потенциалов: во-первых, это реализация его центростремительного потенциала, это работа, направленная к самому слову, все действия активного словесного притяжения, «вбирания в себя», т. е. работа концентрации, конденсации; во-вторых, это реализация центробежного потенциала слова, это работа, направленная от слова, все его избирательные действия, т. е. работа выбора, работа отдачи. Сочлененность в слове этих двух никогда не прекращающих своего действия потенциалов делает слово единицей, уникальной по семантической нагруженности и конструктивной силе.

2. Центростремительные свойства слова составляют его характеристику как единицы, принадлежащей лексической системе языка. Эти свойства формируются в слове в результате притягивания к нему — с последующим стягиванием, конденсацией и, следовательно, приобретением качества собственных свойств слова — языковых характеристик тех контекстов, в среде которых оно существует.

Контекстуальные условия существования слова имеют тройственный характер. Во-первых, это условия существования слова в кругу его смысловых партнеров и антиподов, т. е. в рамках лексического множества (класса, разряда, группы, лексической парадигмы, ряда и т. п.) и одновременно в условиях смысловых противопоставлений, разнообразных семантических оппозиций и отталкиваний. Во-вторых, это условия разнообразных синтагматических связей слова, непосредственных линейных окружений, как закрепившихся (системных, стабильных), так и новых, становящихся, поначалу индивидуальных или окказиональных. В-третьих, это условия бытования слова в принципиально неочерченных пределах содержательных целостностей, в контексте таких характерных для слова речевых ситуаций, собственные языковые границы которых, в отличие от целостностей синтагматических и парадигматических, не могут быть четко определены.

Иными словами, лексическая единица всегда существует одновременно в контексте класса («лексическая парадигматика»), в контексте текстовой последовательности (линейные контексты, синтагматика) и в содержательном контексте речевой ситуации (обстановочные или так называемые «фоновые» контексты).

Синтагматический контекст наиболее близок к употреблению, наиболее очевиден: он отражает «цепочечные» связи слова как непосредственно воспринимаемые и постоянно повторяющиеся данности,

Контекст класса не может быть выявлен синтагматически: это есть абстракция не от непосредственных употреблений, а от осуществленной самим языком систематизации своих ресурсов, т. е. от отношений лексических единиц друг к другу. Контекст класса устанавливается путем определения места слова в границах той целостности, которую можно называть лексико-семантическим классом, подклассом, разрядом, группой, парадигмой, лексическим рядом и т. д., отвлекается от отношения слова к другим членам этой целостности и от его противопоставленности единицам других лексических множеств. Именно контекст класса нужен для характеристики значения слова: оно определяется, во-первых, на основе межклассных связей, во-вторых, на основе того места, которое принадлежит слову в данном классе и опирается на его семантические связи с другими членами этого класса, и, следовательно, в-третьих, на основе возможностей синонимических замен и тех результатов, которые получаются вследствие этих замен.

Индивидуальный контекст употребления (обстановочный, «фонный» контекст) создается отвлечением сугубо индивидуальных признаков слова от обычных для его употребления содержательных ситуаций. Он не опирается ни на синтагматику слова, ни на его внутрикласные или межклассные связи. Такого контекста в своем описании требуют прежде всего слова, занимающие обособленное место в кругу других, пусть близких, лексических единиц, причем эта обособленность объясняется неязыковыми факторами (примеры могут дать такие ряды терминологических обозначений, как *аквариум, террариум; виварий, дельфинарий, серпентарий*, где толкования всегда включают в себя индивидуальные элементы, идущие от «контекстов обстановки») ¹.

Слово как называющая единица обладает способностью конденсировать и преобразовывать в себе самом работающие на него признаки всех названных видов контекстных окружений: их свойства притягиваются словом, абстрагируются в нем и отливаются уже в его собственные качества. Т. о. слово — это своеобразный генератор своих классных, линейных и узואльно-речевых связей и отношений. Значения и свойства, вырабатывающиеся в слове средствами такой генерации, являются конечной объективацией его центростремительного потенциала. Работа концентрации отражается в слове двояко: с одной стороны, как концентрированность свойств, т. е. как результат; это — все стабильные, устоявшиеся характеристики слова; с другой стороны, как концентрирование свойств, т. е. как процесс; это — постоянно осуществляющиеся в слове выработка и закрепление в нем новых черт значения, сочетаемости, отношения к лексическим партнерам, стилистических смещений. Поясним это конкретным примером.

¹ Подробно эти три типа контекстов рассмотрены автором в статье: *Шведова Н. Ю.* Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова. — В кн.: *Русский язык. Текст как целое и компоненты текста.* Виноградские чтения. XI. М., Наука, 1982.

Слово *огонек* в одном из своих прямых значений входит в лексический класс вместе со словами, называющими то, что светится. Оно объединено с ними основной семьей, сочетаемостью, общим характером ближайших окружений. Его прямое лексическое значение, правила синтаксической и семантической сочетаемости, стилистическая окраска содержатся в нем как его собственные свойства (хотя и такие, объясняя которые лексиколог не может не обратиться к тем окружениям, о которых сказано выше и на основе которых эти свойства отлились в слово). Но вот, сначала в рамках сочетания *голубой огонек*, а потом и вне его, слово *огонек* приобретает новые семантические возможности, связанные с включением его в такой лексический ряд, как *вечер, вечер-встреча, концерт, эстрадная программа*, и соответственно появлением новой сочетаемости (*у нас на огоньке, во время огонька, устроить огонек, веселый, интересный огонек*). Идет процесс концентрации свойств, вбираемых словом из новых для него контекстов — классных, линейных и обстановочных. Что происходит раньше: возникает новое значение слова или осуществляется новая его сочетаемость? Вряд ли вообще нужно так ставить вопрос. Правильнее сказать, что слово, во вновь возникшей и повторяющейся ситуации оказываясь примененным к несвойственному для него предмету названия, сейчас же приводит в действие свой центростремительный потенциал, вбирая в себя признаки нового для него лексического класса и занимая в нем свое место, осваивая соответствующую сочетаемость, а затем и отпочковывая новое гнездо. Эти новоприобретенные возможности закрепляются за словом, интегрируются и абстрагируются в нем и становятся уже его собственными характеристиками. Центростремительная работа концентрации приводит к сконцентрированности новых связей и отношений в такие данности, которые становятся абстрагированными качествами самого слова.

С точки зрения строгой синхронии, по отношению к условно остановленному моменту развития, к условно взятой точке, центростремительный потенциал слова находится в состоянии покоя. По отношению к диахронии, движению, живому, постоянно совершающемуся на наших глазах, или глубокому, отливающемуся в длительные исторические процессы, центростремительный потенциал слова находится в состоянии постоянной работы.

Сконцентрированность в слове всех его связей и отношений служит предметом его описания в словаре.

Многоаспектное научное описание слова (применительно к словарю — словарная статья) является не чем иным, как определенным образом организованной совокупностью специально препарированных его окружений разного характера. Такое описание — в идеале — это полный и всесторонний показ результатов конденсации и препарации разнообразных и полифункциональных окружений слова, его принадлежности к классу и тех экстралингвистических ситуативных условий, в которых слово функционирует. Это описание можно назвать максимально сжатым показом

контекстной среды слова, контекстной системой, репрезентирующей такую среду. Словарная статья во всех своих частях отвлекает от сложившихся — очень различных по своей природе — языковых условий характерные, «правильные» контексты, их обнажает, конденсирует и систематизирует. В словарях — в разных их типах по-разному — слово выступает как данность, характеристики которой строятся путем обобщения свойств, сформировавшихся в нем под действием его центростремительного потенциала.

3. В грамматике знаменательное слово предстает как единица, характеристики которой, релевантные для данного языкового уровня, складываются на основе его центростремительного потенциала. Вступая в контакт с грамматическим законом, образцом, правилом, слово приводит в действие и обращает вовне свои внутренние качества: классную принадлежность, лексическое значение, сочетаемостные свойства, индивидуальные семантические характеристики. В своих отношениях с грамматическим законом (образцом, правилом) слово осуществляет работу выбора, работу отдачи: оно здесь разноразлично и уверенно диктует, разрешает или запрещает. От внутренних качеств слов в грамматике исходят правила выбора вариантов; правила выбора слов, заполняющих зависимые позиции; для предикативно функционирующих слов — правила выбора имен для субъектной и объектной позиции; правила заполнения абстрактных синтаксических образцов предложения и мн. др.

Грамматический строй языка пронизан лексикой. Нет почти ни одного грамматического правила, которое не требовало бы включения в свою формулировку «лексической части». Само определение грамматики как науки должно включать в себя тезис, согласно которому грамматика изучает многоуровневый формальный строй языка в его нерасторжимых и разноразличных связях с системно организованной лексической материей этого языка.

Если допустить очень большую степень обобщения и даже схематизации, то можно сказать, что существует три вида отношения слова (его класса, разряда, группы, словесного ряда) к грамматическому образцу (закону, правилу).

1) Слово относится к грамматическому образцу почти свободно, однако эта свобода никогда не доходит до полного безразличия; данное положение может быть проиллюстрировано на различных грамматических участках; несколько ниже мы покажем это, говоря о взаимодействии лексики и синтаксических образцов предложения.

2) Слово относится к грамматическому образцу избирательно — с разной степенью ограничений в выборе. Общеизвестны здесь многочисленные случаи колеблющегося выбора вариантов форм (ср. *тбкар*и — *токарь*); вся избирательность — в сфере построения словосочетаний или субъектно-предикатных соединений (ср., например, соединения, сообщающие о возникновении, начале

бытия: *Наступила старость, осень, весна, лето, разочарование, отрезвление. . . , но не боль или ревность; Свалилась беда или счастье, но не удовольствие или отдых).*

3) Слово относится к грамматическому образцу запретительно. Так, например, так называемый русский второй родительный на -у (*сахару; меду*) запрещен для всего массива слов мужского склонения, кроме семантически узкой, считаемой группы «вещественных» имен.

Очевидна конструирующая роль лексики в сфере предложения. Здесь слово не только относится избирательно к тем или иным абстрактным образцам (в заполнении одних оно готово так или иначе участвовать, в заполнении других — нет), но этой своей избирательностью оно в конечном счете предопределяет одно из оснований для самой систематизации таких образцов; их деление на свободные, относительно свободные или несвободные опирается на диктующие условия слов: целого их класса, какого-то их разряда или отдельных их единиц. Любой синтаксический образец предложения не свободен от «оглядки на слово»: для лексически несвободных образцов словом первично предопределяется сама возможность их реализации; для так называемых лексически свободных образцов «вмешательство» слова обнаруживается на ступени семантического качества предложений, в их семантической структуре. Так, например, абстрактная синтаксическая модель (схема) так называемых номинативных предложений практически открыта для любого имени; однако на уровне семантической структуры предложения в действие вступают ограничивающие права лексики: для бытийных предложений она предоставляет одни свои ресурсы (*Ночь. Зима. Тишина*), для темпорально-синхронизирующих — другие (*Учился, потом завод, армия*), для оценочно-характеризующих — третьи и т. д. Запрет, накладываемый лексикой на синтаксический образец, может быть проиллюстрирован русскими инфинитивными предложениями со значением объективного предстояния как неизбежности (*Быть беде! Цвети садам! Бежать рукотворным рекам! Шуметь лесам! Звенеть детским голосам!* и т. д.); заполнение позиции инфинитива здесь запрещено для всех глаголов, кроме глаголов с бытийным значением.

Убедительный пример диктующей роли слова при выборе субъектно значимой формы дают глаголы со значением начала бытия, его становления. Здесь очевидны вполне определенные лексические группировки слов, предопределяющие употребление тех или иных форм с субъектным значением. Если собственно субъект возникающий, становящийся выражается при любом глаголе подлежащим (*являются новые традиции; возникают ремесла; встает новый день; пошли грибы; поползли тучи; полетели вопросы; развертываются события; открываются возможности; вылезают старые грехи*), то способы выражения других, осложненных видов субъектов, так или иначе относящихся к бытию (его началу, становлению), распределены по определенным лексическим группам глаголов. Так, субъект возникающий и одновременно в своем возник-

кновении кем-то воспринимаемый (субъект воспринимаемого возникновения) при таких глаголах, как *пахнуть*, *повеять*, *потянуть*, *понести*, специально выражается формой творительного падежа; при этом субъект воспринимающий выражается формой «на + вин. п.»: *на нас пахнуло ароматом*, *на путников повеяло задутием*, *на вошедших потянуло сыростью*, *понесло гнзлью*. Субъект возникающий (становящийся, осуществляющийся) и в своем возникновении для кого-то предназначенный (кому-то адресующийся) при таких глаголах, как *возникнуть*, *подвернуться*, *попасться*, *открыться*, выражается формой именительного падежа в регулярном сочетании с формами *кому/для кого: ему/для него открылись новые возможности*, *ему/для него подвернулась работа*, *попался интересный экспонат*. Субъект возникающего внутреннего состояния при таких глаголах, как *найти*, *накатить*, *навалиться*, выражается формой *на кого-что*: *на него нашла тоска*, *накатила ненависть*, *навалился страх*. Субъект возникающего физического состояния при таких глаголах, как *забить*, *заколотить*, *затрясти*, выражается формой винительного падежа: *больного забила дрожь*, *заколотил озноб*, *затрясла лихорадка*. Специфическая семантическая категория субъекта существующего и сочленяющегося с субъектом возникающим при глаголах *добавиться*, *прибавиться*, *присоединиться* выражается формой «к + дат. п.»: *к обиде присоединилась растерянность*; *к заболевшим прибавились отставшие*; *к бедности добавилась болезнь*. При глаголах *почувствоваться*, *послышаться*, *почудиться*, *померещиться*, *улышатся*, *увидеться* формой дательного падежа выражается субъект, воспринимающий то, что возникает (*мне почудилась ложь*, *улышался намек*), а формой предложного падежа (*в чем*) — субъект, объективирующий, репрезентирующий собою то, что возникает: *в этих словах ему почудилась ложь*; *в твоём вопросе мне улышался намек*, *почувствовалась фальшь*; *в мелькнувшей фигуре ему померещились знакомые черты*.

Научная грамматика не может освободить себя от отражения — в той или иной форме — конструктивно значимых возможностей слова. Стимулирующими фазами в развитии грамматической науки всегда были те, которые не только не освобождали грамматический анализ от уз слова, но и признавали их необходимость. Отказ от попытки проникнуть в те законы, которые сложно и многоступенчато связывают систему грамматических категорий и форм с лексической системой слов, делает работу грамматиста бесперспективной.

Центробежный потенциал слова действует не только в грамматике, но и внутри самой лексической системы. Формирования в слове нового значения не безразлично для той лексической группировки, которая открывает для него свои границы. Так, образование нового значения в слове *огонек* (см. выше) является фактором, действенным не только для самого этого слова, но и для статуса того лексического ряда, в котором объединились названия *представление*, *праздничный вечер*, *концерт*, *эстрадная программа*, *вечер-встреча* и т. д. Этот ряд пополняется новой единицей, функции

его компонентов дифференцируются; перераспределяются внутрирядные отношения. Эти изменения производны от того семантического наращения, которое осуществилось в слове *огонек*, стимулированы этим наращением. Изменяясь само, слово тем самым влияет и на ту среду, в которую его вовлекают эти изменения. Таким образом, новое значение слова — это не только его собственное дело: в его появлении заложено обязательное последствие — воздействие на состав и качество тех единиц, которые становятся его функциональными партнерами.

Если считать, что образование в слове новой номинации (нового значения) предшествует появлению у него новой семантической сочетаемости (*новогодний, интересный, молодежный огонек*), то действие центробежных сил слова можно видеть и в появлении такой сочетаемости. Однако выше мы старались показать, что эти процессы нерасчленимы ни в самом слове, ни во времени.

4. Только на уровне строения текста — связи его частей — слово ослабляет или совсем утрачивает свой диктат, ограничивает свою долю участия в строевой сфере языка. Связанность или несвязанность частей текста не определяется словом как единицей, участвующей в грамматическом конструировании. Текстовая последовательность — это та языковая среда, в формировании которой центробежный потенциал слова практически не участвует. Напротив, в тексте — как своеобразное средство скрепления его частей — активизируется называющая роль слова, акцентируется его отдельность, его собственные внутренние свойства. Приведем лишь один пример, поясняющий эту мысль. Возьмем минимальную текстовую последовательность из романа М. Булгакова «Белая гвардия» (I, 6): Ах, боже мой, боже мой! Тогда было солнце, шум и грохот. И Максим тогда был не такой, как теперь, — белый, скорбный и голодный. У Максима на голове была черная сапожная щетка, лишь кое-где тронутая нитями проседи, у Максима железные клещи вместо рук и на шее медаль величиною с колесо на экипаже. . . Ах, колесо, колесо. Все-то ты ехало из деревни «Б», делая N оборотов, и вот приехало в каменную пустоту. Боже, какой холод. Нужно защищать теперь. . . Но что? Пустоту? Гул шагов? . . .

В этом отрывке очевидна связующая и содержательная нагруженность слова *колесо*. Со ступени сравнения, где это слово выступает в своем номинативном значении (*медаль величиною с колесо на экипаже*), через квазиобращение (*Ах, колесо, колесо. . .*), переводящее все изложение из плана реминисценций в план идеологического анализа и философских оценок, это слово приобретает в тексте функцию его образного стержня. Оно конденсирует в себе свое прямое значение с тем аллегорическим смыслом, который, как в символе неотвратимости движений и смен, закрепился в нем в таких сочетаниях, как *колесо Фортуны (счастья), колесо истории*. Эта в тексте функционально обусловленная спаянность значений, в языке расчленившихся, конституативно приобретаемая семантическая многомерность имени влечет за собой осложнения значений

и других, окружающих слов (*все-то ты е х а л о из деревни «Б», делая N оборотов, и вот п р и е х а л о в каменную пустоту*). Этот пример показывает, что тогда, когда слово выступает в роли компонента, скрепляющего текст, активно действующим элементом в нем оказывается собственно его семантическая структура. Его лексические значения здесь не просто так или иначе выявляются в слове, но функционируют в тексте. Таким образом, и в этих случаях слово предстает в работе, действует как участник организации сообщения, но организации уже не грамматической, а сугубо индивидуальной, глубоко содержательной.

Так, совершив перед нами своеобразный круг, в строе текста слово вновь открывается прежде всего как носитель своих центростремительных потенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аспекты семантических исследований. М., Наука, 1980.
2. Шмелев Ц. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., Наука, 1973.
3. Языковая номинация. Общие вопросы. М., Наука, 1977, гл. I—VII.
4. Языковая номинация. Виды наименований. М., Наука, 1977, гл. I.

Б. А. АБРАМОВ

К ПРОБЛЕМЕ СЛОВА

(Слово с морфологической точки зрения)

Если ориентироваться на высказывания, в которых определяется место слова в системе языка (например, слово и предложение — основные единицы языка; слово — центральная единица языковой системы и т. п.), может сложиться впечатление, что в лингвистике доподлинно известно, какая именно языковая единица стоит за этим наименованием. И хотя в таких формулировках слову отводится исключительно важная роль в языке, необходимая ясность, увы, отсутствует. Об этом неопровержимо свидетельствуют и давно уже ставшая общим местом констатация, что лингвистика не располагает общепринятым определением слова, и неоднозначное употребление этого наименования, получившее отражение в лингвистических словарях [3, 422—423; 28, 1064—1067]¹, и предложения отказаться от понятия «слово».

¹ В статье упоминается лишь весьма незначительная часть практически необозримого количества работ, в которых в той или иной форме затрагивается

Существование проблемы слова обусловлено причинами как объективного, так и субъективного характера. К объективным причинам можно отнести, во-первых, свойства языковых единиц, для обозначения которых употребляется не только русская номинативная единица 'слово', но и ее иноязычные эквиваленты, например *mot*, *parola*, *słowo*, *word*, *Wort* и др., во-вторых, неоднозначность этих существительных, сохранивших статус обиходно-разговорных номинативных единиц, так и не превратившихся в строго научные термины, в-третьих, сложившиеся в системе лингвистических понятий связи понятия «слово» со многими другими понятиями. Среди субъективных причин основной является, по-видимому, злоупотребление возможностью одинаково именовать разные объекты и, наоборот, по-разному называть один и тот же объект. Если в художественном творчестве такая практика нередко приносит положительные плоды, то в науке она имеет только отрицательные последствия, приводя к неопределенности и к снижению точности.

Перспективу снять когда-нибудь проблему определения слова очень многие лингвисты оценивают весьма скептически. Мнение тех, кто считает данную проблему вообще неразрешимой, пожалуй, наиболее прямолинейно и категорично. Предложения рассматривать слова как «эмпирические» или «непосредственно данные» объекты [25, 74; 26, 112] представляют собой попытку обойти эту проблему. Рекомендации определять слово на каждом отдельном уровне [24, 165; 29, 26] тоже уводят от решения проблемы и лишь легализуют многозначность квазитермина «слово».

Надо сказать, что сама постановка вопроса «что такое слово?» не способствует решению проблемы. С методологической точки зрения такая формулировка недостаточно корректна, так как она допускает множественность ответов и фактически побуждает следовать за сложившимся в лингвистике использованием данного квазитермина. Поэтому вопрос необходимо сформулировать по-иному, так, чтобы он подводил к однозначному ответу.

С морфологических позиций можно было бы предложить следующую его формулировку: «Для обозначения какой из взаимосвязанных морфологических единиц логичнее использовать существительное „слово“, непременно учитывая при этом наличие таких тоже взаимосвязанных наименований, как „словоформа“ и „форма слова“?» Для ответа на поставленный в такой форме вопрос потребуются вначале выяснить, о каких морфологических единицах в данной связи может идти речь, уточнить их соотношение друг с другом и лишь затем дать им соответствующие наименования. Суждения, близкие по духу, уже высказывались, но большей частью в тезисной форме или в связи с какой-либо иной

проблема слова. Поэтому ссылки имеют в основном иллюстративный характер.